

Встреча с интересным человеком

Народный артист СССР,
лауреат Ленинской
и Государственной премий
Сергей Федорович
БОНДАРЧУК

«...Если человек не зря, не пустоцветом живет, для него вся жизнь — творчество, за что бы ни взялся... Иди к делу со всей душой, все терпи от него... Все терпи — все обиды, все неудачи, все попреки, да уж что бы ни пришлось... И не жди легкой радости, не жалуйся. Если ты делу по душе окажешься, так и радость придет. Только не споро. И не легкая...»

Эти слова своей матери, Татьяны Васильевны, хорошо помнит Сергей Федорович Бондарчук. И радости, и победы его в творчестве были нелегкими; и сама жизнь его в Искусстве, как жизнь любого Художника, вобрала в себя нелегкие преодоления каждого рубца, к которому он приступал. Накануне своего 60-летия С. Ф. Бондарчук встретился с нашим корреспондентом.

ТАКАЯ НЕСПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ...

— Подозреваю, нелегкие для вас дни наступили, Сергей Федорович. Юбилей — событие хорошее, но и трудное, наш брат — журналист, как говорится, «блокировал» вас...

— Трудна не «блокада», которую (улыбается) прорвать несложно. Трудны сами встречи. Я понимаю, что это ваша работа, что есть задание редакции, которое надо выполнить, очень уважительно относиться к вашему нелегкому труду... Но встречи, особенно в эти юбилейные дни, и для меня — труд, и, представьте, тоже нелегкий. Ведь каждый раз я обращаюсь к своему прошлому, заново переживаю его, многие горькие дни и события, размышляю о том, что сделал, чего не сделал, не успел, не смог. Вспоминая дорогих мне людей, с которыми многое связывало в юности, на фронте, в нынешнем моем деле. Многие из них ушли из жизни...

Вот вы после нашей беседы уйдете, будете готовить свои записки к публикации, а я останусь наедине со своими воспоминаниями, которые вы невольно разбередили. И хотя что-то из того, к чему возвратила память, вызвало и светлые воспоминания, но так уж я устроен: самое тяжелое, грустное из пережитого крепче удерживается в памяти.

— Извините, Сергей Федорович, нам все-таки придется обратиться к вашему прошлому. Ваше первое и наиболее яркое художественное впечатление? Когда и как вы угадали в себе актера?

— Первые впечатления — действительно яркие! — от спектаклей Таганрогского театра, руководимого в ту пору крупным провинциальным режиссером Надеждиным. В Таганроге, на Конторской улице, отец снимал жилье, а у домовладельцев были какие-то родственные связи с бывшим антрепренером местной труппы, одной, к слову сказать, из лучших в тогдашней провинции. И я часто получал контрамарку на тот или иной спектакль. Буквально заболел театром, и его власти надо мной, власти, которой и сам еще не понимал, покорился всей душой. Особенно запомнил — и до сих пор помню — спектакль «Светите, звезды» с блистательным трагическим актером Харламовым.

И кино поразило мое детское воображение. Я настолько верил в правду и сиюминутность происходящего на экране, что во время сеанса... заглядывал за натянутое белое полотно, хотел обнаружить за ним исполнителей, декорации...

Как и когда угадал в себе актера — не скажу. Это вошло в меня и гуляло во мне еще до школы. Участь в школе, играл в различных любительских и полупрофессиональных коллективах. И когда, как говорится, началась судьба, проблемы выбора не было.

— Родители, конечно, были не в восторге?

— В глубине души и мама, и отец поначалу отвергали мой «несерьезный» выбор. Но мама не хотела огорчать меня резкими протестами. Отец же, Федор Петрович, был покруче и не раз пытался отговорить меня от «блаторства». Его можно было понять. Человек мастеровой, к заботам и волнениям искусства непричастный, он хотел видеть сына занятым «настоящим» делом. Согласились родители с моим выбором лишь после фильма «Молодая гвардия», в котором я сыграл Валько.

— Сергей Федорович, я не впервые сталкиваюсь с таким отношением родителей к подобному выбору детей. Чем объяснить, что искусство, актерство в частности, не всегда серьезно воспринимается родителями как цель и смысл жизни?

— О том, кто на виду, всегда говорят. Иногда справедливо. И хвалят, и осуждают. Актеры всегда на виду. О них часто не столько говорят, сколько судачат. Жизнь актеров многим представляется развеселой и легкомысленной. Несерьезной, одним словом.

И такие представления, сливаясь друг на друга, образуют некий «ком», который актеры всегда волюно или незволюно нарабатывают своими рассказами об увлекательных поездках, веселых встречах, интересных впечатлениях. Вот эти сложившиеся (глубоко между тем неверные) представле-

ния о жизни актера и его труде и настораживают обычно родителей, чьи дети выбирают своим будущим актерство — путь, уверяю вас, далеко не легкий. И труд наш, и жизнь наша чаще, чем это кажется, связаны не с увлекательными поездками и веселыми впечатлениями, а с долгими, мучительными, кажущимися порой бесконечными, днями, месяцами, годами постижения того или иного аспекта человеческого бытия, личности в нем.

И все это, повторяю, не для собственного развлечения, но для того, чтобы понять, постичь, и о том, что постиг, рассказать другим. И рассказать так, чтобы тебе поверили, прониклись твоим ощущением того, что ты «добывал» с таким трудом. Но ведь об этом не знают родители, чьи дети выбирают такой нелегкий путь. (Улыбается). А если бы знали, наверное, еще более сопротивлялись выбору детей. Но они больше слышаны о «несерьезном» труде актера... Хотите пример? Правда, героем его будет не солидный родитель, а мой сын. Когда он был маленьким, спросил меня однажды: «Папа, куда ты идешь?» — «На работу». — «А что ты будешь делать?» — «Снимать фильм». — «А говорил, что будешь работать?» — разочарованно произнес мальчик. Вот такими несмышляшками иногда бывают и взрослые папы и мамы...

— Ну хорошо, а если сами родители — актеры и им больше, чем кому-либо, известно, насколько серьезен и нужен людям актерский труд?

— Этих-то родителей я больше могу понять. Уж они-то знают, что на избранном пути их сына или дочь ожидают не только розы, но чаще шипы, много шипов...

— А как обстоит дело с вашими детьми?

— Наташа окончила ВГИК и снимается, Алена учится на втором курсе школы-студии МХАТ. А Федя еще мал, ему лишь 13 лет. Пока особого рвения к актерству не замечаю.

— Расскажите, пожалуйста, как начинался ваш путь на профессиональную сцену?

— Когда окончил школу, поступил в Ростовское театральное училище. В то время драмой в Ростове руководил Юрий Александрович Завадский, а в труппе были Марецкая, Плятт, Мордвинов, другие мастера, позже создавшие ядро нынешнего Театра имени Моссавета. Юрий Александрович читал лекции в нашем училище, а по вечерам мы, студенты, не только имели возможность наслаждаться игрой больших мастеров, но и входили с ними в контакт, участвуя в массовых сценах. Незабываемое время, незабываемые впечатления! Разве можно забыть мордвиновских Отелло, Богдана Хмельницкого! Или Марецкую в «Хозяйке гостиницы»! Крохотные выходы на одну сцену, общение с ними были прекрасной для нас школой.

Окончить училище не удалось: началась война...

— И стал студент солдатом...

— Да. Но должен признаться, что по молодости лет не воспринял сообщение о войне как нечто трагическое. Подумал: есть возможность показать себя в настоящем деле, показать, на что способен в бою за Родину. Война же очень быстро и навзничь опрокинула мои о ней юношеские представления, став высочайшей трагедией, которую когда-либо знал человеческий род.

— И, видимо, отсюда активная антивоенная направленность почти всех ваших фильмов — «Судьба человека», «Война и мир», «Они сражались за Родину»...

— Совершенно верно. И наряду с показом античеловеческой сущности войны я всегда стремился подчеркнуть едва ли не главную мысль этих фильмов: человек способен противостоять войне, у него всегда было достаточно и никогда не убудет для этого сил.

— Вашими лучшими ролями были и остаются роли людей сильных, мужественных, способных пройти в жизни через любые испытания, преграды, продолжать их. Скажите, а в вашей жизни, творчестве случалось ли вам преодолеть?

— Каждая картина — это всегда преодоление. Трудностей, преград на пути к ярче более чем достаточно. Я вообще не знаю, что такое спокойная жизнь. Для меня были и остаются нетленными слова матери —

«выбрал дело по душе, так радди него не щади себя».

— В вашем послужном списке такие разные роли, как Шевченко и Дымов, Отелло и Астров, Валько и отец Сергей, Андрей Соколов и Пьер Безухов... Какая из этих ролей была для вас неожиданностью? В ком из своих героев вы... не видели себя?

— Если бы не видел себя хоть в одной из сыгранных ролей, не играл бы ее. Но вот однажды Ромм пробовал меня на роль адмирала Ушакова, и это был тот случай, когда не видел себя в роли, не смог бы преодолеть в ней возрастной разницы: был я в ту пору много моложе героя фильма.

— В одной из сыгранных вами ролей у вас были великие предшественники — Ленский, Остужев, Папазян, Мордвинов, Хорва, Тхапсаев. В этой же роли блистательно выступил знаменитый английский трагик Лоренс Оливье...

— К слову сказать, в роли Отелло, о которой вы говорите, режиссер Юткевич предполагал снять Поля Робсона, давно мечтавшего сыграть шекспировского героя. Но так случилось, что певец не смог прехать на съемки. После многочисленных проб утвердили на эту роль меня. Позже я встретился в Праге с Полем Робсоном, и он сердечно поздравил меня, тепло отнесся к моей работе.

— Вообще вам пришлось в своей жизни встречаться со многими зарубежными мастерами. Какая из этих встреч стала для вас самой яркой, незабываемой?

— Какую-то одну встречу я не мог бы выделить. Такие встречи всегда были запоминающимися. Довелось сниматься (в фильме «В Риме была ночь») у итальянского режиссера Роберто Росселлини, основоположника неореализма. У Росселлини и у нашего режиссера Игоря Андреевича Савченко я по-настоящему учился режиссуре... В фильме «Ватерлоо», который я ставил по поручению итальянской фирмы Дино Лаурентиси, мне довелось работать с одним из интереснейших современных актеров — Родом Стайгером, сыгравшим Наполеона... Встречался с Лоренсом Оливье... Нет, не стану, пожалуй, выделять какую-то одну встречу.

— Сергей Федорович, много лет вы преподаете, являясь профессором ВГИКа. Скажите, пожалуйста, какой первый вопрос вы задаете поступающему на ваш курс?

— Всегда задаю один и тот же вопрос: «Можешь ли ты не быть актером? Прожить без этого?». И всегда советую: «Если можешь, не поступаай, пожалуйста».

— Ваша последняя роль в кино?

— (Задумывается). Так уж и последняя? Недавно снялся в фильме украинских кинематографистов «Овод» в роли Монтанелли.

— А сами что собираетесь снимать?

— Готовлюсь к съемкам фильма о Джоне Риде. Это будет диалог. Первый фильм — «Восставшая Мексика», второй — «10 дней, которые потрясли мир».

— И последний вопрос — о курьезах, смешных случаях.

— Были такие. Забавный случай приключился на Каннском кинофестивале. Один западный журналист спросил меня об увлечениях вне работы. Я шутил ответил: «Люблю считать углы». И забыл об этой шутке. А на следующий день обратил внимание на то, что некоторые из моих коллег как-то странно поглядывают на меня. Оказалось, журналист опубликовал мой ответ в выходящем на фестивале официальном бюллетене...

А вот еще один случай. Во время съемок «Ватерлоо» участвующим в фильме молодым солдатам-комсомольцам, пришедшим в армию с различных строек, колхозных полей, заводов, приходилось выступать в роли восторженных поклонников Наполеона. Это было делом для них непривычным. «Восторгались» они как-то вяло, некоторые усмехались. А один паренек, бывший тракторист из-под Харькова, откровенно признался: «Та я не могу! Нащо вин мени здався, той император!».

Я еще раз поздравляю С. Ф. Бондарчука с наступающим юбилеем, желая известному кинематографисту здоровья.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.